

Татьяна Холоднова

Горький смех Шута.

Татьяна Холоднова

Горький смех Шута.

<https://litres.ru/74151787>

SelfPub; 2026

Аннотация

Захватывающая история, где холодные стены замков скрывают горячие тайны.

Эпоха дворцовых переворотов и жестоких интриг становится фоном для запретной любви, способной разрушить империю. Здесь нет места слабости: каждый взгляд — вызов, каждое прикосновение — риск. Читателя ждёт полное погружение в страсти того времени, где любовь опаснее кинжала, а предательство ходит по пятам. Готовы ли вы узнать, чем придётся заплатить за счастье?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Холоднова

Горький смех Шута.

Глава 1

Тронный зал тонул в напряжённом полумраке. Даже десятки свечей в серебряных канделябрах не могли пробить всю густоту тьмы, окутавшую это мрачное, завешанное гобеленами место. Будто от самих стен шёл запах ладана, воска и чего-то ещё...

Липкого, неприятного. Страха.

Принцесса Елизавета стояла справа от трона, прокручивая в голове слова её покойной матери, которые жили с ней с шести лет.

«Не сутулься, милая Лиззи. Стой ровно. Что бы не происходило - не подавай виду. Подними подбородок. Милая, не нужно так часто моргать! Смотри вперёд.»

Девушке было девятнадцать лет. Невысокий рост никогда не являлся поводом для насмешек при дворе - кто посмеет смеяться над единственной дочерью короля Ричарда? Светлые волосы, отливающие золотом в свете свечей, были туго заплетены в косу, уложенную короной. Её служанка Мира хорошо постаралась этим утром, но всё же пару прядей выskalзывали из под диадемы и это было самое честное во

всей её строгой идеальности.

Елизавета не моргая смотрела на факел. Ей казалось, что как только моргнёт - заплачет. Плакать нельзя. Её статус не позволяет проявлять какие либо чувства, даже если очень больно.

Старый король величественно восседал на тяжёлом, массивном троне из дерева. Трон отлично отражает характер его хозяина, который был твёрдым, властным и решительным человеком. При дворе его все побаивались, так как он одним своим указом мог лишить человека чего угодно, даже жизни.

Выражение его лица было мрачее тучи. Седина поблёскивала в сиянии свечей, а в задумчивых серых глазах читалась усталость.

Наконец король встал и откашлялся, привлекая внимание присутствующих.

- Мои лорды и леди, - начал он слишком ровным голосом.
- На севере наших земель происходит мятеж. Вольные лорды отказываются платить короне. Увы, с тяжким грузом на душе, я вам сообщаю - армия истощена. Казна требует простых решений.

По спине Елизаветы пробежал холодок. Она начала понимать, к чему ведёт её отец.

И тут мягкий вкрадчивый голос перебил правителя:

- Если позволите, Ваше Величество, - советник короля, Артур Кейл, вышел из тени.

Высокий, худой мужчина средних лет с крючковатым но-

сом и залысынами был одет в синий бархатный камзол с серебряной вышивкой. На правой руке сиял перстень, который он постоянно крутил, когда нервничал. Улыбка на его лице говорила о чуть ли не праздничном моменте, будто он был счастлив первым сообщить важную новость.

- Возможно я осмелюсь сообщить о... О решении?

Король устало кивнул.

— Лорд Эдвард Мун, — произнёс Артур, и имя это повисло в воздухе. — Человек с огромной армией и...Амбициями. Он предложил свою помощь для казны и свою армию в обмен на... — Советик повернулся к Елизавете, и на его лице расцвела улыбка, не достигшая глаз. — В обмен на руку вашей дочери, принцессы Елизаветы.

Зал начал активно перешёптываться, и звук вокруг стал напоминать гул растревоженного улья. Елизавета, как обладательница и без того бледной кожи, заметно стала ещё бледнее.

— Это было бы мудро, — продолжил Артур, крутя кольцо на пальце. — Лорд Мун — человек чести. Его армия усмирит мятеж за неделю. А принцесса... — он сделал паузу, обвёл взглядом зал. — Принцесса станет великой герцогиней. Разве не этого мы все желаем?

Глаза цвета зимнего неба так и молили, «нет, только не это, я не хочу», но девушка стояла неподвижно, будто была сделана из камня.

И тогда раздался смех.

Не громкий, не грубый — тихий, ленивый, с хрипотцой и с ноткой искреннего восхищения.

— Браво, Ваше Величество! Браво!

Все обернулись. На перилах балкона, свесившись вниз, сидел Марк.

Ему было двадцать пять лет, но глаза его были измождёнными, усталыми. Зелёными — яркими, как у хищника. И разными: левый — цвета молодой листвы, светлый, почти янтарный; правый — тёмно-изумрудный, почти чёрный в полумраке зала. Этот диссонанс делало его лицо одновременно красивым и тревожным, как у человека, который смотрит на мир двумя разными взглядами и видит две разные правды.

Лицо — худое, с высокими скулами и тонкими губами, которые сейчас были растянуты в широкой, фальшивой улыбке. На нём был шутовской наряд — лоскутный, пёстрый, нелепый: красный, жёлтый, зелёный, синий — все цвета радуги, сшитые вместе, как насмешка над порядком. Тёмные кудрявые волосы закрывал колпак с тремя рожками, на концах которых звенели бубенцы. Волосы были не длинные, но отличительной чертой была седая выующаяся прядь спереди. На запястье — манжета с бубенцами.

Марк прыгнул с балкона, приземлившись бесшумно, как человек, который привык двигаться тихо. Но когда его сапоги коснулись пола, он поднял правую руку — ту, что с манжетой бубенцов — и щёлкнул пальцами.

Бубенцы звякнули — коротко, резко, как удар хлыста.

«Бубенцы», - подумала девушка. «Он щёлкает ими перед тем, как сказать что-то злое. Как будто это предупреждение.»

— Какая стратегия! Какой размах! — продолжил он громче. — Продать собственную кровь за пару тысяч мечей — это надо уметь. Я бы аплодировал, но у меня руки заняты — вот, держу ваш позор. Тяжёлый, зараза.

Зал оцепенел. Стража дёрнулась к копьям. Король побагровел от ярости.

— Шут, — прорычал он. — Не забывайся.

Марк повернулся к королю. Его правая рука снова поднялась — и щёлкнула. Бубенцы звякнули.

— Я всегда забываюсь, Ваше величество, — произнёс он с нарочито преувеличенной вежливостью. Его левая рука — та, что без бубенцов — скользнула к шее, пальцы нащупали монету и тот начал её крутить. — В этом моя работа. Зато я никогда не вру.

Он обвёл взглядом зал, и его разные глаза остановились на Артуре. Его правая рука снова поднялась — щёлк. Бубенцы звякнули.

— Лорд Мун. Великий человек. Армия у него огромная. И чучел животных — коллекция. Говорят, у него их больше, чем в лесу. И, что любопытно, жён у него было три, а вот в живых... — он задумчиво почесал подбородок, не переставая крутить монету. — В живых, кажется, ни одной. Но это

же мелочи быта, верно?

Кто-то нервно хихикнул. Потом ещё кто-то. Истеричный смех пошёл волной по залу. Елизавета не смеялась.

Она пристально смотрела на Марка. Он заметил это — конечно, заметил, он всё замечал, это была его работа. На мгновение его маска — нарисованная улыбка, румяна на щеках — дрогнула. Он ожидал слёз. Гнева. Истерики. Всего, что делало принцессу принцессой в глазах толпы.

Но она смотрела на него так, будто видела его насквозь. Без страха. Без осуждения. Её голубые глаза были сухими. В них не было ни слёз, ни гнева.

Марк сглотнул. Впервые за вечер ему не хотелось шутить. Ему впервые стало противно от своего злого чувства юмора. Шут сжал монету так сильно, что побелели костяшки. Напоминание о том, кем он был до того, как стал посмешищем. До того, как надел этот нелепый наряд и научился использовать бубенцы как оружие — потому что звук их был слишком похож на звук цепей, которыми связали его отца. На звук, который он слышал перед тем, как толпа начала кричать.

Он щёлкнул бубенцами — щёлк — как будто хотел заглушить воспоминание.

— Ваше Высочество, — произнёс он тише, со злой умешкой в голосе. — Вам не смешно?

Елизавета молчала. Она медленно, очень медленно покачала головой. Будто одним жестом говорила «Нет. Мне не смешно. Мне никогда не было смешно. И тебе, я думаю, то-

же.»

Марк отвернулся.

— Ну что ж, — громко объявил он, снова надевая маску.
— Раз невесте не до смеха, предлагаю всем разойтись. Завтра будут большие приготовления. Свадьба — она такая... окончательная.

Двери тронного зала закрылись за её спиной с глухим стуком. Елизавета не пошла в свои покои. Она свернула в узкий коридор — туда, где свет факелов дрожал на холодном камне, а эхо шагов казалось почти зловещим

Девушка чувствовала полное разочарование из-за своей беспомощности. Она устала. Фальшивые сочувствия, шёпот за спиной. Она хотела просто дойти до своей комнаты, запереться и не видеть никого до утра. Просто забыть этот несчастливый день. Но у поворота к старой библиотеке она наткнулась на него.

Марк шёл навстречу, размахивая руками и насвистывая какую-то мелодию. Бубенцы на запястье тихо позвякивали в такт шагам — дзынь, дзынь, дзынь. Он не замедлил шаг. Не развернулся. Просто шёл, будто коридор принадлежал только ему.

Елизавета остановилась. Он тоже.

Они смотрели друг на друга. Без интереса. Без вражды. Просто два человека, которые не хотели уступать дорогу.

— С дороги, — сказала она без эмоций.

Марк не пошевелился. Его глаза — смотрели на неё с ленивым интересом, как на препятствие, которое не стоит обходить.

— Сначала вы, Ваше Высочество, — произнёс он холодно. — Вы же принцесса. Вам положено идти первой.

— Я и не принцесса, — сказала она. — Я товар. Ты сам это сказал. Так что уступи дорогу товару. Дело очень важное, товар ценный, надо беречь.

Марк вздрогнул от неожиданности. Обычно принцессы либо плакали, либо кричали, либо убегали. Эта просто стояла и смотрела на него, как на надоедливую муху.

— Хм, — произнёс он. — Вы правы. Товару положено идти первым. На рынок. Или в постель. Куда именно вас отправят — решит ваш отец.

Внутри принцессы стала закипать ярость. Но внешне она казалась не возмутимой.

Он шагнул в сторону, освобождая путь. Но не поклонился. Просто отступил, как делают, когда пропускают кого-то, кто не стоит уважения.

Елизавета прошла мимо. Но на полпути остановилась.

— Перестань, — сказала она. Не оборачиваясь. — Перестань бить по больному.

Марк замер. Бубенцы на его запястье дёрнулись — щёлк. Звук был резким, как удар хлыста.

— Простите? — в его голосе появилась ледяная вежливость. — Я лишь развлекаю двор. Моя работа — говорить

то, что все думают, но боятся произнести. Если вам больно возможно, стоит не слушать?

Елизавета обернулась. Её голубые глаза были сухими. В них не было ни слёз, ни гнева. Только холодное, деловое требование.

— Мне не больно, — сказала она. — Мне плевать на твои шутки. Но ты переходишь дорогу. Каждый раз, когда ты открываешь рот, ты напоминаешь мне, что я в клетке. И это раздражает.

Марк смотрел на неё. Его пальцы крутили монету на шее — быстро, нервно.

— Тогда не слушай, — произнёс он. — Закрой уши. Закрой глаза. Делай то, что делала в тронном зале — молчи и терпи. Это же твоя работа, нет?

— Моя работа — помогать королевству, — сказала она. — А твоя — не мешать мне. Так вот что: не рань меня. Не используй меня как мишень. Не напоминай мне о том, что я уже знаю. И я не буду напоминать тебе о том, что ты прячешь.

Марк замер. Бубенцы замолкли. Впервые за всё время.

Он смотрел на неё. Не как на принцессу. Не как на товар. Как на человека, который только что поставил условие. Не умолял. Не угрожал. Просто констатировал факт.

— А что я прячу? — тихо спросил он.

Елизавета обратила внимание на его руку: на монету, которую он сжимал так крепко, что побелели костяшки паль-

цев. На шнурок, врезавшийся в кожу шеи. На бубенцы, спрятанные в складках рукава.

— Не знаю, — сказала она. — Но ты прячешь. И я не буду спрашивать. Если ты не будешь мне мешать.

Марк молчал. Его взгляд остановился на ней, и в глазах появилось что-то необычное. Это не была симпатия или интерес. Скорее, это было признание. Казалось, он впервые увидел человека, который не играл в его игру, не притворялся.

— Договорились, — он произнес это тихо, без щелчка и без какого-либо ритуала. — Я не буду тебя ранить. Если ты не будешь меня жалеть.

— Я не собираюсь, — сказала она. — Мне плевать на тебя так же, как тебе на меня.

— Отлично, — он усмехнулся. Но в этот раз — без злобы. Просто устало. — Тогда мы поладим.

Он отошёл в сторону, пропуская её. На этот раз — с поклоном. Не униженным и не насмешливым, а просто вежливым жестом, который говорил: "Я тебя услышал".

Елизавета прошла мимо. Она не обернулась. Но на полпути к своей комнате она поняла, что впервые за день её руки не дрожали.

Глава 2

Дверь в покои отца была массивной, дубовой, с бронзовыми петлями. Елизавета вошла без стука.

Король устроился в ветхом кресле за столом. Свечи почти догорели, и их свет отбрасывал причудливые тени на стены, придавая его лицу ещё более усталый и измождённый вид. Он не оторвал взгляда от стола.

— Лиззи, — произнес он устало. — Я думал, ты уже в своей комнате.

Она замерла на пороге, не решаясь войти. Её появление выглядело как робкая просьба, а сама она казалась чужой.

— Я хотела поговорить, — собравшись с силами, сказала принцесса.

Король медленно поднял взгляд, но затем снова опустил его, спрятавшись за стопкой пергаментов. На мгновение в его глазах мелькнуло понимание, смешанное с сочувствием, которое тут же сменилось усталостью.

— О помолвке? — он вздохнул. — Лиззи, ты же понимаешь, Мун предлагает армию. Это необходимо.

— Необходимо, — повторила она без эмоций. — Ты продаёшь меня за армию. Значит наглый шут был прав, тысяча мечей тебе многократно важнее счастья дочери.

— Я не продаю, — он поморщился, как от зубной боли. — Я обеспечиваю безопасность королевства. Ты станешь гер-

цогиней. Тебя ждёт почёт и уважение.

— Уважение, — принцесса сухо усмехнулась. — Ты же слышал, что говорят о лорде Муне?

— Я знаю всё, что нужно знать, — король выпрямился. В его голосе появилась твёрдость, которой не было в тронном зале. — Он человек с сомнительной репутацией. Но он верен своему слову. Его армия усмирит мятеж. А ты — он запнулся. — Ты будешь в безопасности.

Девушка ощутила комок боли в горле.

— В безопасности, — она кивнула. — Как его третья жена, которая пропала. Или же как вторая, которая «заболела».

Король молчал. Его взгляд был прикован к гобелену с изображением охоты, будто он искал в нем ответы. Однако, ответа так и не последовало.

— Лиззи, — произнёс он наконец. — Ты моя дочь. Я делаю это не из жестокости. Королевство казна пуста. Артур говорит, что без союза с Муном мы не продержимся и года.

Артур.

Имя повисло в воздухе, и Елизавета поняла: решение приняли не вчера и не сегодня, а давно. Советник нашептывал, убеждал, плел свою коварную сеть. Отец молча кивал, потому что так было проще. Ему не надо было принимать решение самому.

— Артур тебе сказал, — произнесла она почти шёпотом, — что это единственный выход.

Девушку охватило чувство несправедливости. Оно было

сильнее, чем тесный корсет или духота, исходившая от стен.

— Он привёл весомые аргументы, — король избегал её взгляда, — состоящие из положительных расчётов.

Елизавета усмехнулась.

— И ты поверил, потому что так проще. Зачем самому думать и что-то решать. Советник сказал — значит, так и есть.

— Лиззи, — голос короля стал жёстче. — Ты забываешься.

— Нет, — она шагнула вперёд. — Я помню, как ты обещал матери, что не выдашь меня за первого встречного. Я помню, как ты говорил, что я заслуживаю лучшего. Я помню, как ты смотрел на меня, когда мне было шесть, и говорил, что я — твоё сокровище.

Король отвернулся. Его плечи опустились.

— Это было давно, — произнёс он тихо, — мир изменился.

— Мир не изменился. Изменился ты!

Она смотрела на него осуждающе. На того, кто когда-то был её отцом. Кто когда-то бережно держал её на руках, обещая защищать. Кто теперь сидел за столом, избегая её глаз.

— Ты не остановишься. Даже если я буду плакать. Даже если я буду умолять.

Король молчал.

— Тогда я не буду просить. Я сделаю то, что ты хочешь. Выйду за Муна. Стану герцогиней. Буду улыбаться на пирах

и молчать, когда нужно.

Она развернулась.

— Но знаешь что, отец? Когда Мун придёт за своей «собственностью» — не жди, что я буду твоей дочерью. Я буду его женой. Его вещью. И если он сломает меня — не приходи. Не пытайся меня спасти. Не присылай гонцов с извинениями. Потому что ты продал меня. И сделка окончательна.

Она со злостью толкнула дверь.

— Лиззи, — голос короля был тихим, почти беспомощным. — Прости меня.

Она не проронила ни слова. Дверь за её спиной с громким, глухим стуком закрылась.

В коридоре царила тишина. Она стояла, чувствуя спиной холод дубовой двери, и её взгляд был устремлён в пустоту. Её тело дрожало.

Она поняла: помощи ждать не от кого. Отец — слаб. Артур — ничтожество.

И только один человек в этом замке говорил правду. Даже если эта правда была ядом.

Она оттолкнулась от двери и пошла в свои покои. Завтра начнётся подготовка к свадьбе. И она будет играть свою роль. Но внутри — внутри она уже не была принцессой.

Она была товаром. А товар не умеет плакать.

Елизавета проснулась до начала рассвета.

Она лежала на спине и смотрела на балдахин — массивный, украшенный золотыми нитями, который мать выбрала

ещё тринадцать лет назад. «Ты будешь спать под звёздами, Лиззи», — говорила мать, несмотря на то что звёзд на ткани не было.

Её мысли о покойной матери прервал тихий стук в дверь. — Войдите, — произнесла она не вставая.

Вошла Мира, её служанка. Молодая девушка с платком на голове, прикрывающим русую косу. Руки её были в мозолях, оставленных стиркой и глажкой. Она несла поднос с завтраком и кувшин с водой для умывания.

— Ваше Высочество, — Мира поставила поднос на стол. — Вам прислали платье от лорда Артура Кейла. Сказали, что это его подарок к помолвке.

Елизавета села. На стуле лежало платье. Тёмно-синее, с серебряной вышивкой. Цвета камзола советника.

«Этот гнилой человек издевается надо мной»

— Оставь, и передай ему, если хочет зайти и что то сказать, я жду.

Мира замерла. Её тусклые уставшие глаза расширились.

— Ваше Высочество, он уже внизу. Сказал, что хочет поздравить вас лично.

Елизавета закатила глаза. На самом деле ей было крайне противно общаться с этим человеком, но, как говорится, держи друзей своих близко, а врагов ещё ближе.

— Тогда попроси его подняться. И оставь меня одну.

Мира, поколебавшись, открыла рот, будто хотела возразить. Но потом просто поклонилась и вышла.

Через минуту дверь открылась снова.

Лорд Артур Кейл вошёл, как всегда — бесшумно, словно тень, отделившаяся от стены. Тёмно-синий бархат, серебряная вышивка, кольцо на пальце. Улыбка на лице — идеальная, отрепетированная.

— Ваше Высочество, — он поклонился. Не низко — он никогда не кланялся низко. — Простите, что беспокою так рано. Но я не мог не прийти и не поздравить вас лично.

Елизавета встала. Она была ниже его на голову, но смотрела прямо в глаза.

— Лорд Кейл, — произнесла она. — Как мило с вашей стороны. Хотя, признаюсь, я удивлена. Обычно поздравления приносят с вином и цветами. А вы принесли платье цвета сового камзола. Признаюсь, цвет крайне не приятный.

Артур моргнул. На мгновение его улыбка дрогнула — но только на мгновение.

— О, Ваше Высочество, — он вежливо рассмеялся. — Вы слишком проницательны. Это просто символ. Цвет вашего нового дома. Цвет вашей новой жизни.

Советник не ответил сразу. Он подошёл к окну, посмотрел на двор — там сустились слуги, готовились к приезду жениха. Потом повернулся.

— Ваше Высочество, — произнёс он мягко. — Я понимаю, что вы расстроены. Перемены — это всегда тяжело. Но поверьте, лорд Мун — человек чести. Вы будете в надёжных руках.

— В надёжных руках, — она усмехнулась. — Как его вторая жена? Которая «заболела»?

Кейл вздохнул, как вздыхают, когда говорят с упрямым ребёнком.

— Слухи, Ваше Высочество. Злые языки. Вы же не верите всему, что говорят в замке?

— Я верю тому, что вижу, — сказала она. — А вижу я, что вы пришли в моё утро со своим платьем, чтобы сказать мне, что я должна верить вам. Это неслыханно, но очень любопытно.

Советник смотрел на неё долго и внимательно. Его улыбка исчезла — не сразу, но исчезла. Он оценивал ситуацию.

— Вы умнее, чем кажется, принцесса, — произнёс он тихо. — Это хорошо. Но ум без мудрости — опасная вещь.

— А мудрость — это что? — она шагнула ближе. — Согласиться на всё, что вы скажете? Молчать, когда нужно?

— Мудрость — это выжить, — он улыбнулся снова. Но теперь улыбка была другой. Холодной. — А выжить вы сможете только с моей помощью.

Елизавета поняла: это не поздравление. Это угроза.

— Ваша помощь, — произнесла она. — Это интересно. И что же вы предлагаете?

— Я предлагаю вам совет, — Артур подошёл ближе. Так близко, что она чувствовала его запах — тяжёлый, сладкий, как у человека, который боится старости. — Лорд Мун — непростой человек. Ему нужна жена тихая и покорная. Если

вы будете играть эту роль — вы выживете. Если нет — он пожал плечами. — Ну, вы знаете, что говорят о жёнах лорда Муна.

— Вы пытаетесь меня запугать?

— Я предупреждаю вас. Это разные вещи.

Он шагнул назад. Поклонился — снова не низко.

— Платье вам к лицу, Ваше Высочество, — произнёс он.

— Наденьте его на обед. Лорд Мун прибудет через неделю. Мы должны показать, что вы счастливы стать его женой.

Он развернулся и вышел. Елизавета стояла посреди комнаты и смотрела на закрытую дверь. Она подошла к платью. Цвет вашего нового дома.

Девушка провела пальцем по ткани. Холодная, тяжёлая. Как цепь.

Он думает, что напугал меня, подумала она. Он думает, что я буду играть покорную жену. Он думает, что контролирует ситуацию. Он не знает, что я уже не боюсь.

Принцесса не знала, что будет делать. Не знала, как выкрутится. Не знала, как пережить неделю до приезда Муна.

Но она знала одно: Советник — враг. Не жених. Не отец. Артур Кейл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.